

Известия, г. Москва
15 января 1962 г.

ОПЯТЬ МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ,
О ЧЕМ СПОРИМ

Г. НЕЙГАУЗ,
профессор, народный артист РСФСР

□ □

ПОЯВЛЕНИЕ статьи профессора Г. М. Когана «Ученик или артист?» («Известия» № 205) оправдано и плодотворно. В сущности статья даже запоздала лет на десять—пятнадцать. Тема ее не только созрела, она уже «перезрела». Меня, как, наверное, и многих моих коллег, эти вопросы волнуют и мучают уже давно.

Противоречие между яркой индивидуальностью — настоящим артистом — и большинством исполнителей, способных приобрести не только абсолютную грамотность, но и культуру, и необходимую технику, огромно, неизменно и непримиримо. Это известно поколению веков и на все лады высказывалось тысячи раз.

Сильную индивидуальность большого, необыкновенного человека, допустим, гения, сравнивают иногда, и не без основания, с огнедышащей горой. Но не все горы «дышат огнем», не все — вулканы. Хорошо, что и Жигули, и Альпы, и прочие не вулканические горы ведут себя спокойно, иначе жизнь человека на нашей земле была бы чрезвычайно хлопотлива.

Между необыкновенной, сильной индивидуальностью и школой как таковой всегда существовало почти непримиримое противоречие. Оно существует и сейчас, несмотря на все успехи советской педагогической мысли, хотя не в такой степени, как раньше. Вспомним некоторые случаи из недавнего прошлого: Скрябин был изгнан из класса своим педагогом Аренским, Прокофьев получал за свои задачи от Лядова неизменно двойки, Рахманинов был забаллотирован Художественным советом Московской консерватории, а ведь там заседали и Игумов, и Гольденвейзер — его искренние поклонники.

Если заглянуть в более отдаленное прошлое, то не лишне вспомнить, что Оноре Бальзак дважды был забаллотирован своими коллегами в «Академию Бессмертных». Но, как ни странно, большинство «Бессмертных» умирало даже раньше своей физической смерти, а «смертный» Бальзак до сих пор живет полной жизнью.

Еще одна интересная деталь: такие люди, как Скрябин, Рахманинов и многие другие, получали в консерватории по обязательным предметам двойки и тройки; если бы они жили в наше время и учились в советской консерватории, когда каждый должен кончать круглым отличником, «круглым, как шар», то, вероятно, они были бы исключены до окончания за несдачу зачетов по физкультуре. Не подумайте, что я считаю поведение Скрябина и других похвальным, отнюдь нет: думаю, что в наше время у них нашлось бы достаточно чувства достоинства, чтобы превозмочь свою лень, и они окончили бы консерваторию, если не круглыми отличниками, то все-таки вполне прилично.

Многие-многие музыканты и ценители музыки жалуются на то, что, несмотря на высокий технический уровень и музыкальную зрелость (это касается в еще большей мере скрипачей, чем пианистов), исполнители играют до того схоже друг с другом, что почти невозможно одного от другого отличить; но все играют правильно, отлично, виртуозно. В том, что у нас играют «почти одинаково» (хотя эта формула не совсем точная), я усматриваю по меньшей мере столько же положительного, сколько и отрицательного. Откровенно говоря, положительного гораздо больше. Гении и таланты создавать нельзя, но можно создать культуру, и чем она шире и демократичнее, тем легче произрастают таланты и гении. Известный английский искусствовед Уолтер Патер назвал итальянский Ренессанс «эпидемией гениальности». Молодые отличные исполнители, «одинаково играющие», о которых говорит профессор Коган, как раз и выражают достижения широкой демократичной культуры, хотя они и не гении.

К ЧЕМУ весь этот разговор, при чем тут Ренессанс? Я хочу сказать, что в то отдаленное время занятие живописью было чрезвычайно распространено, демократично. И поневоле напрашивается сравнение с колоссальным распространением музыки, в частности игры на фортепиано, в наше время. Другими словами, тогда все «хорошо» писали картины, сейчас все «хорошо» играют на рояле или на скрипке. Но разве это так уж плохо?

Сейчас, естественно, появляется очень много, гораздо больше, чем когда-нибудь в прошлом, способных, даже талантливых, иногда совершенно исключительных пианистов.

Тут я не могу не остановиться с особенной настойчивостью на одном явлении, которое играют за последние четверть века огромную, решающую роль в деле воспитания и которому не придается достаточного значения в наших методических размышлениях. Я говорю о радио, пластинках, магнитофоне и телевидении. Как в свое время изобретение кинематографа перевернуло весь мир и создало новое искусство — кино, так и грампластинка, радио и телевидение создали совершенно новую музыкальную действительность, нечто небывалое раньше, неслыханное и невиданное!

Как раз, когда я пишу эти строки, мой превосходный проигрыватель в соседней комнате воспроизводит изумительное, совершенное исполнение трехголосных инвенций Баха Гленом Гульдом, известным и любимым Москвой канадским пианистом, и я думаю с радостью о том, что ведь этим музыкальным шедевром сейчас могут наслаждаться миллионы и миллионы слушателей, а учиться у него могут десятки

и сотни тысяч молодых (и немолодых) пианистов, которым положено проходить эти инвенции в школах и училищах. Я сомневаюсь, найдется ли учитель, будь он хоть семи пядей во лбу, особенно школьный учитель, который мог бы принести такую пользу ученику, как неоднократное прослушивание записей Гульда! При этом я льщу себя надеждой, что никто не заподозрит меня в проповеди идиотского копирования.

Зачем я говорю о копии и копировании, подражании? Затем, что, предлагая слушать молодому, неоперившемуся пианисту (конечно, под наблюдением хорошего преподавателя) высочайшие образцы пианистического творчества, я знаю, что они благотворно повлияют на него. «Дурные примеры заразительны» — это, к сожалению, верно, а хорошие «вдохновительны» — это, к счастью, тоже верно. Не копировать рабски, но поддаться очарованию, проникнуться уважением, радостью (если ученик способен на такие чувства) — вот о чем я хлопочу!

Цель моих размышлений? Я считаю пластинки, грамзаписи, радио и телевидение великолепным современным средством воспитания. Я даже высказал греховную мысль, что в наше время слушание хороших и разных грамзаписей подчас важнее, чем занятия у своего педагога, ибо, если у него сильная воля и властный характер, он будет направлять ученика только по своему руслу, если же он безличный и малодаровитый учитель, то тем более желательна вмешательство извне, точнее «сверху». Любим студентам консерватории надлежало бы собираться вместе и слушать записи больших исполнителей (в первую очередь, пожалуй, тех сочинений, которые они сейчас выучили). Желательно присутствие их педагогов, вообще педагогов. В результате могла бы возникнуть плодотворная беседа, дискуссия.

Я знаю, все это делается сейчас во многих консерваториях, но недостаточно систематично, а я бы хотел, чтобы все это стало обязательной дисциплиной. Если при таких прослушиваниях и последующих беседах возникали бы «трения», тем лучше.

КАКОЕ отношение имеют эти «бальнейшие» рассуждения к статье профессора Когана? Прямейшее! Попытаюсь вкратце суммировать, в чем я согласен с этой статьей, а в чем не согласен.

Безусловно, согласен со следующим: чем зреее (талантливее) и самостоятельнее «ученик», тем меньше нужно педагогу вмешиваться в его работу: этак раз-другой прослушать его перед ответственным выступлением, особенно перед конкурсом (а в наше время конкурсы внушают всем какой-то почти мистический трепет), кратко сделать несколько самых необходимых замечаний и пожелать ему ни пуха ни пера — вот и все.

Все было сделано заранее, все «готово». Давать же пять уроков вместо положенных двух в неделю (так предлагает профессор Николаев), прямо противоположно тому, что я считаю правильным. Это все-таки натаскивание, то есть самое ненужное, самое вредное для талантливого человека (а я думаю, что в конкурсах должны участвовать только талантливые, очень талантливые люди). Больше того, это метод, дающий в результате обыкновенно ту «технику», о которой так великолепно размышляет художник Михайлов (читай: сам Толстой) в Анне Карениной: «Часто он замечал... что технику преподавали внутреннему достоинству, как будто должно было написать хорошо то, что было дурно». (Подчеркнуто мною — Г. Н.).

Натаскивания сопряжены с домашней многочасовой, иссушающей душу работой, с бесконечными повторами (опять вспоминается Толстой: «Воскресение», дочь смотрителя тюрьмы), с антимузыкальным тараканием «медленно и громко», часами, часами, часами! Все это, конечно, развивает физическое овладение клавиатурой, но обедняет музыкальную восприимчивость и живость воображения, убивает «дух». При такой работе «плоть» неизбежно и неумолимо восторжествует над «духом». А разве нужно это искусству, о котором мечтаем мы все? Поймите меня верно: и Гилельс, и Рихтер, и даже Лист проделывали такую работу, но ведь они ей уделяли внимание только небольшими, густо концентрированными дозами, они главным образом занимались музыкой,

а некоторые наши (и «не наши») молодые люди занимаются «голой техникой» беспрерывно. Я немного сгущаю краски: Пушкин это выразил лучше и беспощаднее:

«...Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник; перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвил,
Музыку я разъял, как труп...»
(«Моцарт и Сальери»).

«САЛЬЕРИЗМ» у нас в школах и консерваториях предостаточно, но где его нет? Но разве у нас нет настоящих артистов? Рихтер, Софроницкий, Гилельс, Оборин, Флиер, Зак... Почему профессор Коган не акцентирует, что они выросли как раз в наше советское время и воспитывались в советской школе? (Вот я и перескочил сразу к моим разногласиям с профессором Коганом). Как это ни странно, наши успехи в духе «высокого сельеризма» особенно нравятся за рубежом, по крайней мере на конкурсах.

Но что поделаешь? Как превратить обыкновенные горы в «огнедышащие»? Правительственным указом запретить всем «обыкновенным горам» заниматься музыкой, пианизмом? Ограничить их участие в общественной музыкальной жизни, то есть давать им поменьше концертов? Это невозможно и в корне неверно. Масса музыкалюбивых слушателей за последние десятилетия так возросла, что нужны многочисленные исполнители. Спрос и предложение находятся приблизительно в состоянии равновесия. Не может же один Гилельс, или Рихтер, или Оборин выступать одновременно во всех местах земного шара или хотя бы нашей страны! Нынешний многомиллионный массовый слушатель обладает таким обилием и разнообразием вкусов, что «сальеристы» и «моцартианцы» пользуются у него почти одинаковым успехом. Решает законченность, некое техническое совершенство исполнения. Дело нас, знающих, сведущих, объяснять массовому слушателю, убеждать его в том, что «моцартианство» в тысячу раз выше и лучше, чем «сальеризм».

Некоторые наши педагоги сильно протестуют против выданного профессором Коганом предложения сократить срок обучения пианистов с 18 лет до 8—9. Этот протест основан на недоразумении. Коган говорит только о даровитых, исключительных учениках, не о всей массе их. Естественно, что «всей массе» (выражения тоже не совсем точные) будущих пианистов-профессионалов требуется приблизительно такой же срок обучения, как любому профессору—врачу, инженеру, историку, филологу и т. д., и не надо забывать, что чем талантливее человек, тем больше он способен учиться до конца дней своих (в этом случае учиться—жить—творить — равенство).

Йозеф Гайдн перед смертью жалел, что ему надо умирать, так как он только сейчас научился сочинять хорошие квартеты! Бетховен перед смертью говорил: как жаль! Ведь этого никто не знает и не умеет!

Профессор Коган затронул еще один важный вопрос в своей статье: об отсутствии критики и самокритики в Московской консерватории (правда, он не говорит столь определенно о самокритике, вероятно, считая наших консерваторских деятелей недостаточно подготовленными к ней). Все большие люди не только выдерживали, но и приветствовали критику, если она была умная и честная, но умели также, если она была глупая и несправедливая, отвергнуть ее с несокрушимой силой. За примерами нечего гоняться, их сколько угодно. Пушкин, Гёте, Толстой дали этому блестящие доказательства. Я не затрагиваю высшей области человеческой деятельности — Политики с большой буквы, где В. И. Ленин дал бессмертные образцы отношения к критике и в случае надобности опровержения ее.

Что и говорить: длительное отсутствие какой бы то ни было критики способствует опасной самоуспокоенности, самодовольству, которые незаметно «эволюционируют», превращаясь в самонадеянность, самовозвеличение и непримиримость ко всякому «инакомыслию». Но («Волга выпадает в Каспийское море») критика всегда нужна и полезна, критика дельная, честная, справедливая, направляющая на то, чтобы действительно помочь критикуемому. Я уверен, что статья «Ученик или артист» написана именно с этих позиций. Именно поэтому я приветствую ее.